

Читайте в серии
«Древо историй.
Фэнтези для подростков»:

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕТРОЖЕЯ

Дженнифер Адам

ПРИНЦ ТУМАНА

Рошель Хассан

Продолжение следует...

РОШЕЛЬ
ХАССАН

ПРИНЦ
ТУМАНА

МОСКВА
2026

УДК 821.111-93
ББК 84(0)-44
Х24

The Prince of Nowhere

Copyright © 2022 by Rochelle Hassan
All rights reserved. Printed in Lithuania.

No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles and reviews. For information address HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers, 195 Broadway, New York, NY 10007.
www.harpercollinschildrens.com

Иллюстрация на обложке *hlebo4ka*

Художественное оформление *Игоря Пинчука*

Хассан, Рошель.

Х24 Принц Тумана / Рошель Хассан ; [перевод с английского М. Скляр]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Древо историй. Фэнтези для подростков).

ISBN 978-5-04-168904-9

В городке, защищённом стеной ледяного тумана, живёт двенадцатилетняя Рода. Когда таинственный Аноним просит её спасти раненого ворона, девочка и не подозревает, что в её доме окажется ворон, который на самом деле мальчик-оборотень по имени Игнис.

Теперь Рода и Игнису предстоит отправиться туда, куда не ступала нога человека, — за стену ледяного тумана, в запретное место под названием Нигде. Их ждут спящие драконы, механические стражи и правда, которая окажется страшнее любых чудовищ. Чем ближе они подбираются к разгадке, тем больше понимают: Аноним ведёт их к тайне, способной вернуть прошлое, настоящее и будущее.

Сможет ли обычная девочка перехитрить само время?

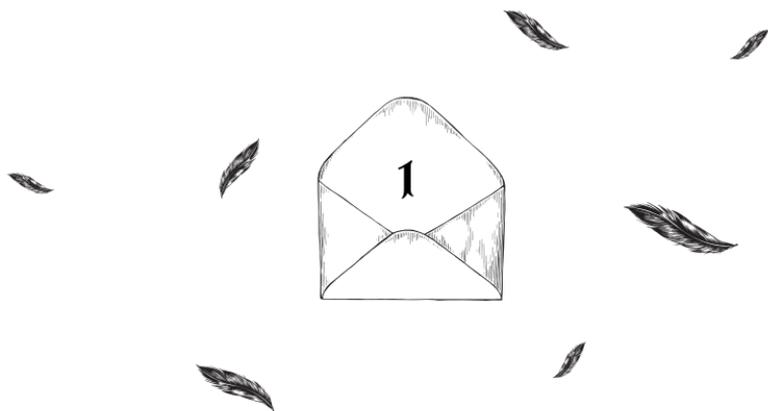
УДК 821.111-93
ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-04-168904-9

© Скляр М., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Маме

*Спасибо тебе за бесчисленные походы
в библиотеку и за всё остальное.*

Ворон рухнул под вишней. Только крылья у него не успели заледенеть до конца. Рода нашла его там лежащим на траве, и лёд с его перьев, обтаивая, собирался лужей.

Все конечности были на месте. Ни одной проплешины. Его острый клюв и кончики атласных чёрных крыльев были целёхоньки. Это означало, что в тумане он пробыл совсем недолго.

Аноним был прав. Опять.

Рода стянула с себя пиджак и завернула в него холодный комочек, постаравшись закрыть его той частью материи, которая была согрета теплом её тела. Глаза ворона были приоткрыты, но он не шевельнулся, когда

девочка дотронулась до него, и это сильно её встревожило: он был слишком слаб, чтобы бояться.

В нескольких футах¹ от Роды в небо поднимался туман. Он вставал стеной, обёртывавшей весь город безупречным кольцом. Ей было непривычно видеть его так близко. Рода отвела глаза и сосредоточила внимание на птице. Она открыла рюкзак и, держа его перед собой, осторожно положила в него ворона. Девочка запрыгнула на свой велик и погнала домой, пригнувшись вперёд навстречу ледяному ветру, который колот её лицо, словно тысячами иголок.

Когда Рода бросила взгляд через плечо, заброшенная мельница и вишнёвое дерево были уже далеко, уменьшившись до размера спичечного коробка, но туман теперь казался даже больше: кружащая белая бездна, поглотившая и землю, и небо. Поля смазанно проносились мимо, пока запустение между туманом и городом не сменилось первыми низкими постройками Бруме. Когда колкая промозглость тумана отступила, тёплый воздух смягчил её окоченевшие щёки, нос и пальцы. До дома было добрых десять минут по городу. Она бы и близко не подошла к мельнице, если бы не

¹ Фут — мера длины, равная 30,48 см. (Прим. пер.)

письмо — то самое, которое послало её отыскать этого ворона.

«И что в тебе такого особенного?» — думала Рода, катясь под горку по тесной дороге между рядами берёз, мимо дюжины одинаковых, словно отпечатанных одной формой для печенья, домов, пока не добралась до своего. Она уронила велосипед на крохотной лужайке перед домом — давно заросшей одуванчиками и сорной травой — и заглянула в рюкзак. Ворох чёрных перьев и тускло поблёскивающий клюв. По-прежнему ни движения.

На кухне мама корпела над бумагами, которые взяла домой с работы; тётя Дора пристроила в одной руке книгу, другой держала чашку с кофе. Обе подняли головы, когда она ворвалась в дом.

— Привет, — выпалила Рода, запыхавшись, и бухнула свёрток на стол перед тётей Дорой. Рюкзак она скинула на один из разномастных стульев. Выхватив миску из шкафчика, девочка метнулась к раковине, чтобы наполнить её тёплой водой и отнести к столу.

— Что привело мою заблудшую дочь домой так скоро? — сказала мама. — Никогда ещё не видела, чтобы тебе настолько не терпелось оказаться в четырёх стенах.

— Это дело жизни и смерти, — проинформировала её Рода.

У мамы были большие карие глаза, которые выдавали все её секреты, и широкая улыбка, дарившая чувство дома. Её вьющиеся светлые волосы были забраны от лица и низко сколоты на затылке. Рода была ничуть на неё не похожа. Свои тёмные кудри и голубые глаза она получила от папы, так ей говорили. Она его почти не помнила, но все твердили, что тётя Дора — его сестра — выглядит в точности как он, а сходство между ней и Родой было бесспорно. Их лица складывались из тех же углов, тех же излучин, той же розоватой бледности, ничем не походившей на мамин загар и веснушки. Нередко бывало, что незнакомые люди принимали тётю Дору за её старшую сестру.

— Да ну? Какое такое дело жизни и смерти? — спросила мама, подыгрывая ей. — Дай-ка угадаю. Чума?

— Ты видела, как она влетела сюда? — сказала тётя Дора. Она с мягким стуком поставила кружку и сомкнула книгу, заложив место, где читала, большим пальцем. — Очевидно, её преследовал грифон.

— Нет, нет, она слишком любит животных. Она улепётывает только от работы по дому.

Рода молчала. Они не знали об Анониме.

Пока они не разразились новыми догадками, она осторожно выкопала ворона из скла-

док своего пиджака и поместила его в воду — оттаивать, старательно придерживая голову над водой.

Мама отложила ручку, нахмурившись.

— Ох, — проговорила тётя Дора. Глаза у неё сделались круглые, как монеты, под чистой, как лист бумаги, белизной волос.

Тётя Дора была примерно одних лет с Родой, когда однажды заблудилась в тумане, прямо как этот ворон. Её волосы замёрзли, и пигмент вымылся. Даже ресницы у неё были белые. Как только Рода принялась осматривать ворона, перебирая пальцами его перья и смахивая налесь, она обнаружила в его оперении полосы того же оттенка белого. Рода знала, что это останется навсегда, как осталось навсегда у тёти Доры.

Мама посмотрела на ворона, затем на тётю Дору и снова на птицу:

— Уже?

Она говорила так тихо, что Рода чуть не пропустила её слова мимо ушей.

— Я думала, у меня есть ещё пара дней, — сказала тётя Дора вполголоса. — Я не следила за временем.

— Это ты-то?

Они всегда так разговаривали, дополняя беседу, которая наполовину происходила у них в головах. Рода уже привыкла.

Ворон зашевелился, его крылья дрогнули в воде.

— Я буду ухаживать за ним, пока он не поправится, — пообещала Рода. — Он может побыть в моей комнате.

Мама постучала ногтем по краю стола, раз, и раз, и раз, звуки нанизывались один на другой, как бусины в ожерелье: тук-тук-тук-тук-тук.

— Со всей ответственностью могу заявить, что вороны просто ужасные гости.

— Мы не можем оставить его умирать на улице!

— Он может посидеть в гостиной, — сказала мама. Постукивание прекратилось. — Верно, Дора?

Тётя Дора вздрогнула, как будто забыв, что она тут не одна. Она разглядывала ворона с напряжённым лицом и поджав губы. Брови её сдвинулись, образовав недовольную морщинку.

— Уверена, он предпочёл бы более роскошные апартаменты, — сухо заметила она, — но гостиная вполне подойдёт.

Пальцы тёти Доры рассеянно потянули шнурок на шее, на котором висело кольцо, единственное украшение, которое Рода видела на ней. Но как только глаза Роды отметили движение, тётя разжала пальцы и сложила руки на коленях.

Когда ворон отогрелся, Рода обсушила его самым мягким полотенцем, какое только нашла в бельевом шкафу, и оставила, свободно завёрнутого в одеяло, на подоконнике. Девочка решила, что ему будет спокойнее, если он сможет смотреть наружу. Он не шелохнулся, только сунул голову под крыло и снова погрузился в сон.

— Что ты делаешь? — спросила мама, когда Рода наполнила небольшую тарелку водой и принялась резать грушу на ломтики.

— Ему нужна еда, — объяснила Рода. — Ты в порядке?

— Разумеется, — ответила мама. — С чего бы мне не быть в порядке?

— Ты пьёшь чай с имбирём. Свежим, — сказала Рода, кивая в сторону куска сырого имбиря, лежавшего на доске рядом с мойкой. — Ты так делаешь, только когда нервничаешь.

В воздухе витал запах мёда. Мама обеими руками обхватила самую большую кружку, что у них была, загорелая кожа побледнела в уходящем солнечном свете.

— Ты ещё мала, чтобы переживать из-за всего подряд, — произнесла мама с кривоватой улыбкой. — Тебе полагается переживать только по поводу уроков. Мои источники сообщают, что завтра у тебя контрольная.

Рода состроила недовольную гримаску.

— А ты на сто процентов уверена, что твои источники заслуживают доверия?

— Хм... — Мама постучала пальцем по подбородку. — Так-так, мой источник — это ежедневник, который я нашла вчера открытым на столе, а ты вечно оставляешь там свои вещи, сколько бы я ни говорила, чтобы ты их убирала. Хотя, полагаю, он мог принадлежать тому гремлину, который вечно устраивает беспорядок, к которому, как ты клянёшься, ты не имеешь никакого отношения. Он был исписан твоим почерком, но, может, вдобавок гремлин и почерки подделывает?

— Наверняка в этом всё дело, — кивнула Рода.

— Но всё же лучше позаниматься. На всякий случай.

— Прекрасно, — проговорила Рода. — Я тут всего лишь пытаюсь спасти жизнь. Но, наверное, математика важнее.

— Я рада, что ты со мной согласна, — сказала мама. — За дело.

Через пятнадцать минут Рода свернулась на диване с открытым учебником. Мама сидела на другом конце дивана со своей кружкой и кипой работы. Вместе с закатом пришёл дождь, но Роде было тепло в гостиной, где выздоровливающий ворон закопался в выстланную

ПРИНЦ ТУМАНА

одеялом коробку, которую она подготовила для него.

Впоследствии Рода вспоминала этот вечер во всех деталях: сладко-пряный запах имбиря, уютно промявшаяся под ней подушка, то, как свет лампы вычерчивал сияющие полосы в маминых золотистых волосах. Вечер, безусловно сохранившийся в янтаре её памяти.

Потому что после этого всё изменилось.

